

Любительный, любительно в сочинении Г. Котошихина

© И. Н. ЩЕМЕЛИНИНА,
кандидат филологических наук

В статье анализируются лексемы *любительный, любительно* в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Употребление этих слов имело большое значение в дипломатических сношениях и позволяет понять отношения между Россией и иностранными государствами.

Ключевые слова: любительный, любительно, дипломатические сношения, Г. Котошихин.

Роль царя Алексея Михайловича в укреплении и становлении Российского государства велика. Этот государь создал все предпосылки для дальнейшего усиления мощи и величия страны. В период его правления весьма быстро развивались дипломатические отношения Московского государства с иноземцами. Ими управлял Посольский приказ, деятельности которого были «ведомы дела всех окрестных государств, и послов чужеземских» [1], что имело весьма большое значение.

По сведениям С.А. Белокурова, в Москве при дворе царя Алексея Михайловича «по мере развития дипломатических отношений между Московским государством и “чужеземцами” выработывалась церемония, касающаяся встреч, приемов и проводов послов» [2]. От имени

царя составлялись письма властелину, коронованной особе иностранного государства, в том числе, возможно, что и сам царь писал «чужеземцам», поскольку, как отмечают историки, он был образованным по меркам своего времени человеком [3].

В Сочинении Г. Котошихина в третьей главе «О титулах, как которому потентату Московский царь пишетца» сообщалось о том, что почетные звания (титлы) играли весьма важную роль во внешних сношениях Российского государства с другими «потентатами» [1], и указывалось на разницу в обращении: «окрестным великим потентатам» пишутся «по их достоинству» таким образом, «как они сами себя описуют», ибо того требовали нормы обращения в договорах.

В качестве примера Г. Котошихин рассматривал договоры России и Швеции. Он, например, подчеркивал, что состояние войны с другой державой требовало упрощать титулование, избегать в деловых документах формул исключительного пиетета в отношении к ее властителям, на что указывает противопоставление клишированных выражений писать *полными большими титулами* в христианские государства: от «повелителя», «государем Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей ... отчичем и дедичем и наследником, и государем и обладателем»; *писать короткими титулами* в бусурманские государства «братством же и соседством»; царевичей братьями не называли, а сами титулы короткие писались золотом; Крымский хан писал титулу царскую коротко: «Брату нашему Московскому царю». В случае «за нынешнею войною», которая шла между Польским королем и царем Московским, грамоты «с полными титулами не принимали, а писались короткими» [1].

При рассмотрении титулов в сочинении Котошихина внимание привлекло использование слова *любительный*, которое в Словаре XI – XVII вв. зарегистрировано с двумя значениями: «1. Любимый. 2. Исполненный любви, дружбы. Дружественный» [4]. У Котошихина читаем: «Потом Польского короля титула: “Брату нашему *любительному*, наяснейшему великому государю”». Здесь слово *любительный* подразумевает «уважение к личности» как частное к семе «благожелательное отношение к объекту»; «предпочитаемый всем остальным», «исполненный дружбы, дружественный». Этот вариант актуализирует традиционные значения «дорогой / ценимый», «уважаемый» и прагматическую сему «мыслимый как сторонник» в установленной пиететной форме обращения.

Такое обращение к иноземцу – определенный ход в дипломатических отношениях, представляющий собой скрытое содержание коммуникативного акта: «тонкий расчет», «осторожность в действиях», «выгода в дальнейшем», т.е. направленность на достижение неких важных для государственных контактов целей. Известно, что в период правления Алексея Михайловича необходимо было налаживать отношения (связи)

с чужеземными государствами путем переговоров [3]. В этом контексте отражена и православная традиция взаимодействия, что было близко богобоязненному и глубоко верующему государю: «Идеальное начало общественных отношений по христианскому учению есть не власть, а любовь» [6].

На наш взгляд, наличие ума и такта в ведении официальных переговоров между княжествами – обязательное условие недопущения военных столкновений либо противоправных действий со стороны чужого государства, хотя «один это делает с любовью и враждой, а другой с разумом» [7].

Любительная грамота – неоднословная номинация, обозначающая тип документа, в котором выражалось дружественное намерение, подтверждение мирных / дружественных отношений между государствами и содержалась просьба в оказании содействия посольству. Давалась грамота в том случае, если возникала необходимость приезда послов, купцов российских на территорию иноземных государств: «...к вашему королевскому величеству прислал свою царского величества *любительную грамоту*». Представление о типе делового документа передает слово *любительный*, используемое как дифференциальное в определении коммуникативной направленности документа и его задач. В значении «дружественный» слова *любовь* (*любить*) и однокоренные в древнерусский период использовались в грамотах, письмах, текстах делового содержания именно в таких конструкциях [4].

Г. Котошихин тщательно прописывает в сочинении инициацию официально прибывших из России в чужое государство. После акта представления в «чужеземском» государстве послы произносили от имени царя речь «как тое переводчик скажет»; затем «велено было поднести грамоту» (вручалась присланная *любительная грамота*); далее следовало «говорити речь – имянованье и титла короткие ж – по титлах» и по окончании ее преподносились «любительные поминки», т.е. подарки.

Неоднословная устойчивая номинация *любительные поминки* отражает обязательные моменты дипломатического протокола того времени. Реализацию варианта «дружественный, укрепляющий отношения» [4] данного словосочетания мы находим в тексте: «Прислал свои царского величества *любительные поминки*». Смысловая структура актуализирует компонент «дорогие подношения от царского величества», можно выделить семы «дорогой», «ценный», «важный», «нужный / необходимый». Такими подарками были, возможно, меха или ловчие птицы. Совершаемое царем Российского государства подношение иноземному правительству позволяло установить дружественные взаимные отношения между странами, закрепляло статус каждого из представителей в чужеземном государстве. «*Любительные поминки*», будучи принятыми, фактически выступали и как средство восстановления мира, и как некое условие

в любых межгосударственных связях, будь то налаживание контактов между противоборствующими сторонами, посредничество в мирных переговорах либо военная помощь.

Г. Котошихин детализировал каждый шаг в чине вручения «любителного поминка» с обеих сторон. Подчеркнем, что наличие каждого шага, соблюдения которого необходимо по писаной (а ранее и неписаной) традиции, является признаком чина [5]. Рассказывая об этом, он отмечает, что, получив подарки, государь приглашал послов к своей руке, и последние «вежливо и учтиво» идут к руке и кланяются оному (иноземному государю), потому что так «велено по обычаю»: «И царь приказывает с ними послы к королевскому величеству свой *любительной* поклон и поздравление». Здесь контекст реализует содержание «пожелание здоровья, благополучия» у слова *любительный* и закрепляет значения «русский», «глубокий», «низкий», «большой», «земной», передающие образы «традиционное русское приветствие» и «выражение дружеского расположения, дружеских чувств, доброжелательства», поскольку внешняя политика государства при царе Алексее Михайловиче предполагала развитие дипломатических сношений Москвы с иноземными странами.

Во время своего правления любивший парадность царь Алексей Михайлович придавал большое значение не только своей представительности («ездил в немецкой карете, водил жену и детей на иноземную потеху») [3], но и укреплению репутации государства Российского на международной арене. Иностранных послов он принимал с русским радушием и гостеприимством, для чего «в одной из комнат, роскошно убранной, приготовлено было возвышение с дорогим балдахинном наверху; комнаты, предназначавшиеся для главного посла, украшались шитыми золотом коврами» [2]. Своих послов он направлял в чужие страны, из рассказов их узнавал о нравах, обычаях, быте и порядках далеких «чужеземских» государств. Алексей Михайлович стремился повысить интерес к Московскому государству на Западе.

Употребление наречия *любительно* «дружелюбно, доброжелательно, с любовью» в контексте «Грамоты слушав, он царь *любительно* указал им послом быти в ответе» подразумевает семы «по-дружески», «спокойно», «требовательно», «настойчиво», «убедительно», «любезно», «ненавязчиво», «настоятельно». Заметим, что стимулом для выполнения ответственных поручений является доброе слово, несущее энергию и силу воздействия на человека, ибо «любовь делает из многого единое или вражда – из единого многое, покоится же в промежуточное время» [7].

Г. Котошихин в своем сочинении словами *любительный*, *любительно* вербализует такое дипломатически важное содержание, которое обусловлено соединением со словами в традиционно устойчивых формулах-штампах делового языка *любительная грамота* (послание / пись-

мо, обращение) и *любительные поминки* (ценный / важный / дорогой; нужный / необходимый), с одной стороны, а с другой – «уважаемый», «просительный», «русский», «глубокий», «низкий / «земной», «по-дружески», «спокойно», «требовательно», «настойчиво», «убедительно», «любезно», «ненавязчиво», «настоятельно».

На наш взгляд, смысловое ядро рассмотренных средств бинарно и направлено на передачу внимательного и доброжелательного отношения к иноземным государствам или на укрепление международного авторитета молодого царства и развивающейся династии. В употреблении этих единиц, по канонам времени, в соответствии с основными составляющими дипломатии Алексея Михайловича, отразилась идея любви как «отсутствия войн и распрей», что в дальнейшем приводит к установлению / налаживанию добрососедских контактов, а также мирному урегулированию споров.

Литература

1. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884.
2. *Белокуров С.А.* О посольском приказе. М., 1906. С. 76.
3. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Сост., вступ. ст. и прим. В.А. Александрова. М., 1990. С. 108.
4. *Словарь русского языка XI – XVII вв.* М., 1981. Вып. 8. С. 326.
5. *Копосов Л.Ф.* Заметки об одном официально-государственном документе второй половины XVIII в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 6. С. 14–18.
6. *Полный православный богословский энциклопедический словарь.* СПб., 1912. Т. 2. Вып. 15. С. 1541.
7. *Аристотель.* Соч. В 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 97.

*Московский государственный
областной университет*